

Здравствуй, старая жизнь

ГЛЕБ СИТКОВСКИЙ

36-летний режиссер Томас Остермайер для нынешнего европейского театра — фигура ключевая. Живет он в Берлине, руководит знаменитым театром «Шaubюне» и пристально следит за всеми новинками в драматургии, стараясь идти в ногу со временем. Однако Венскому фестивалю, при всем уважении к современным авторам, захотелось, чтобы Остермайер поставил для австрийцев непременно какую-нибудь пьесу Генрика Ибсена — ведь юбилей у норвежца скоро. Премьера «Строителя Сольнеса», осуществленного Томасом Остермайером с труппой «Бургтеатра», имела на фестивале серьезный успех.

«Строителя Сольнеса», хоть он и написан за двенадцать лет до «Вишневого сада», можно рассматривать как своеобразный сиквел к чеховской пьесе. Вообразите себе, что Раневская не уехала в Париж, а, выйдя замуж за Лопахина, осталась на пепелище, помогая мужу строить дачи на месте выкорчеванных вишневых пней. Душа ее мертва и опустошена, а тонкие и когда-то артистичные лопахинские пальцы заскорузли и огрубели. Отличие Сольнеса от Лопахина лишь в том, что дома на месте сгоревшего имения фрау Сольнес он проектирует и строит сам, и за годы совместной жизни весьма преуспел на этом поприще. В ибсеновской пьесе есть даже подобие чеховской Ани. В один из дней в дверь к строителю постучит смелая и нежная девочка по имени Хильда и потребует от него совсем простой шулки — повторить вслед за ней: «Прощай, старая жизнь! Здравствуй, новая жизнь!» Если слепо довериться сюжету, то из пьесы можно вычитать, что девочка под детски влюбилась в Сольнеса десять лет назад, — в ту пору строитель был вдохновенен и дерзок, а Хильда еще пешком под стол ходила. Сольнес необдуманно пообещал подарить малышке королевство, когда она подрастет, и вот она пришла получить по счетам. Сюжет — сюжетом, но у Ибсена Хильда —

это, скорее, псевдоним ангела Божьего, который в урочный час непременно приходит к человеку с требованием: «Королевство на стол!». Режиссер, недолго думая, и впрямь уподобил Хильду ангелу небесному, нисколько не зависящему от законов земного тяготения. С одной стороны, она у Остермайера явно причислена к вездесущему племени бэкпакеров (рюкзачников, пересекающих Европу автостопом), но, с другой стороны — чуть что, и готова легко, без усилия вознестись в воздух, будто в рюкзаке у нее спрятан турбореактивный двигатель. Строитель Сольнес в исполнении австрийской звезды Герта Фосса, напротив, страдает головокружениями и боязнью высоты. Он строит безликие современные офисы, один из которых и воспроизведен на сцене. Тонкие прозрачные перегородки, пара компьютеров, стеклянные стены — кажется, будто это и не дом, а просто некий чертеж дома. Иногда конструкция начинает вращаться, и тогда понимаешь, что голове строителя Сольнеса есть от чего закружиться. К старику Сольнесу и его жене, прожившим свою жизнь зря, Остермайер, в отличие от Ибсена, беспощаден. Он не испытывает ни малейшего сострадания к умершей фрейе Сольнес и делает ее пренебрежительной стервой в жгуче-черном парике, которая нисколько не сожалеет об умерших детях (еще одна параллель с Раневской), а лишь о потерянных вещах. Ничего умильного во вздохах по сгоревшим детским куклам и семейным портретам Остермайер не находит. Для него это фетишизм — и не более того. Сольнесу в возрождении к новой жизни тоже отказано. В финале ибсеновской пьесы строитель, преодолев свои страхи и презрев законы земного тяготения, взбирается на высокую башню построенного им дома, но, пошатнувшись, падает. Клуша-жена, конечно, в ужасе, но, в сущности, «Строитель Сольнес» стал для Ибсена пьесой со счастливым концом. Герой смог, наконец, сказать «Здравствуй, новая жизнь!», и пьеса заканчивается тем, что восхищенная Хильда кричит, задрвав голову ввысь: «Он достиг вершины. И я слышала в воздухе звуки арфы. Мой... мой строитель!» Остермайеру подобная экзальтация оказалась совершенно чужда, и волшебная арфа в финале его спектакля не зазвучит. Окровавленного строителя принесут в дом, и выяснится, что тело его, в отличие от перекоренной души, почти что не пострадало. Будут они, несчастные, и дальше с женой жить-поживать, а романтическая Хильда, верно, увернется восвояси. Здравствуй, старая жизнь.

Волшебная арфа в финале не зазвучит. Окровавленного строителя принесут в дом, и выяснится, что тело его, в отличие от перекоренной души, почти что не пострадало. Будут они, несчастные, и дальше жить-поживать «Строитель Сольнес» Ибсена в Вене

Томас Остермайер показал в Вене «Строителя Сольнеса»



Строителю Сольнесу (Герт Фосс) в спектакле Томаса Остермайера так и не удастся преодолеть свои страхи перед новой жизнью
Фотограф: Арно Деклер